

Дачу купили, когда появились дети.
Им же свежий воздух нужен

Все при деле: мама за роялем,
сын дирижирует, дочь танцует

ня становились в основном те, кто уезжал работать за границу. Таких примеров масса.

— Да в основном только такие примеры и есть.

— А у вас желание работать за границей было?

— Если честно, поработать на Западе хотелось. Но остаться на постоянное место жительства — нет. Во-первых, в России были любимые родители, а я у них единственный. А потом, знаете, каждый человек может жить только в своей среде, у каждого есть своя среда обитания, что ли. Как у рыб.

— А предложения остаться были?

— Уже после первой зарубежной поездки меня окрестили Золотым мальчиком, так что предложений было много. С элитой мирового балета я был знаком очень хорошо. Солист Большого театра —

тогда это звание дорогого стоило. Многие выдающиеся танцовщики мечтали выступить на сцене главного театра России. Как только я приезжал за рубеж, меня приглашали в гости, на светские приемы. Я и смокинг быстро научился носить, и вилку как надо держать. Я обедал с принцами. И все же без своего театра я жить не мог. К тому же мы не были тогда меркантильными. Во главу угла ставили творчество.

— Значит, и Нуриев, и Барышников не за деньгами уезжали...

— Конечно. Уезжали от творческой неудовлетворенности. А у Рудольфа Нуриева вообще все как бы сошлось: личная жизнь, татарский темперамент, сложные отношения в театре. У Барышникова все было спокойнее, более трезво, что ли. Но если бы он не уехал, вряд ли достиг тех высот, как

на Западе. Там он получил карт-бланш, возможность танцевать во всех спектаклях.

— А какие-то человеческие отношения вы с уехавшими поддерживали?

— Так это же была моя компания — Александр Годунов, Михаил Барышников, Саша Богатырев. Мы ведь вместе выпускались. Помню, Годунов приехал в училище просматриваться, попал к моему педагогу, Петру Антоновичу Пестову. Саша маленький тогда такой был, щупленький, ничего не умел делать, кроме двойного ассамбле. Обычно прибалты в то время такие нагловатые были. А он таким не был — просто сублинный мальчик. Его, кстати, не взяли. А с Барышниковым у Годунова конкуренция была с молодости. Они же оба из Риги. Даже поехали работать в разные города, чтобы друг другу не мешать

Нет, это не мемуары. Время для них еще не пришло... Пока же надо заниматься деловой перепиской

делать карьеру. Один — в Москву, другой — в Питер. И все же судьба свела их вместе, в труппе Американского балетного театра. Правда, Барышников уже в ту пору был директором, а Годунов пришел туда солистом. Так что разница в положении была ощутимая... А когда-то мы собирались все вместе. Отчаянное было время. После спектакля хорошо на грудь принимали, веселились, в Дом кино ходили. В Питер наведывались — там шумно гуляли. Уже все знали нас как московскую балетную компанию.

Самый образованный танцовщик

— Такое впечатление, что советская власть вас любила, выделяла.

— Это уже после Московского международного конкурса. Знаете, как бывает: живет себе человек, все делает, и хорошо делает, а его не замечают. А потом вдруг случай — раз и заметили. Вот и у меня так Конкурс, золотая медаль, в ЦК ВЛКСМ приглашают на встречу со студентами рассказать им про балетную жизнь. Дали мне подготовленный заранее текст. Я его пробежал и отдал обратно. Удивились: «Как же вы выступать будете?» — «Да я все понял. Своими словами и скажу». Короче, выступил. Всем понравилось. Ну меня и взяли, как говорится, в обойму.

— Надо сказать, что для солиста балета вы чересчур образованным были. Зачем вам, например, факультет журналистики оканчивать понадобилось?

— Мне было все интересно. Тогда, скажем, не было журнала о балете. И я стал поднимать всех, кто мог бы помочь его организовать. С тогдашним первым секретарем комсомола Тяжельниковым мы до Суслова дошли, все ему рассказали. Этот партийный босс произвел на меня странное впечатление. Мне показалось, он мало что понял. Тем не менее сказал: «Надо подумать». Отдал распоряжения, и, как ни странно, дело сдвинулось. И вот тогда я понял, что без высшего образования мне нельзя. Во всяком случае, меня от работы над журналом отодвинули.

— А зачем вам еще и ГИТИС надо было оканчивать?

— В то время я уже начал пробовать себя как балетмейстер-постановщик. На одном из конкурсов мой номер шел явно на первое место. По реакции публики это всем видно было. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что мне присудили только диплом. Юрий